

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ "МЕДНОГО ВСАДНИКА" А.С. ПУШКИНА

МИТРИНЮК Наталья, преподаватель
(Бэлцкий госуниверситет)

Жанр традиционно определяют как категорию, характеризующую “устойчивую связь между содержанием и формой”[1, 21]. Целью жанровой структуры является, по теории Н.Л.Лейдермана, “художественно завершающее оформление действительности в целостный образ мира”[1, 113]. Завершающую функцию жанра в создании целого подчёркивал и П.Н.Медведев, называя жанром типическое целое художественного высказывания”[2, 248]. Аспект типического не исчерпывает характеристики категории жанра. О её “исторической подвижности” пишут Д.С.Лихачёв[3,55], С.С.Аверинцев[4, 191-219], М.М.Бахтин[5, 121-122] и др.

Традиционно в художественной литературе основной категорией была жанровая, но на рубеже XVIII – XIX веков ситуация меняется: явление авторства активизирует осознание личностной значимости и индивидуальных творческих ценностей; акцент переносится на категорию стиля, зависимость которой от жанровой определённости значительно ослабевает.

Ярким примером служит поэма А.С.Пушкина «Медный всадник», жанр которой сам автор определил термином «петербургская повесть», что можно назвать началом нового и очень популярного в русской литературе жанра, представленного позднее «Петербургскими повестями» Н.В.Гоголя, произведениями Ф.М.Достоевского

(«Бедные люди», «Двойник», «Белые ночи» и др.), А.Блока, А.Белого и др. Но в собраниях сочинений Пушкина «Медный всадник», как правило, печатается в разделе поэм. Заметим: в таком случае это последняя поэма Пушкина.

Следуя за А.С.Пушкиным, «Медный всадник» можно квалифицировать как стихотворную повесть. Стихотворная повесть оформилась как особое жанровое образование по ходу эволюции романтической поэмы. У А.С.Пушкина подзаголовок «повесть» впервые появился в «Кавказском пленнике» в результате ориентации на Байрона, для которого термина «a tale» означал установку на изображение «истинного происшествия», на пересказ «анекдота» (в старом значении слова). В финальных строках Вступления к «Медному всаднику», вводящих повествование о «происшествии», составившем сюжетную основу поэмы, содержится внутренняя отсылка к Байрону и к собственным южным поэмам: здесь варьированы неиспользованные черновые варианты вступления к «Бахчисарайскому фонтану», в свою очередь, восходящему к байроновскому «Гяюру».

Подзаголовок «повесть» часто сопровождало определение, подчеркивающее местную экзотику сюжета («восточная», «кавказская», «финляндская» повесть). Иногда жанр стихотворной повести, переосмысляя канон классической, «героической» поэмы, изображал вместо общезначимого исторического события частный случай, вместо эталонного героя – экзотическое либо незначительное лицо. Классицистической незавершенности противопоставлялась отрывочность, фрагментарность; наличию нравственной концепции – нарочитое отсутствие морали; строгому регламенту поэтической речи – стилизация «устности», непринужденности, небрежности повествования.

Новаторство же А.С.Пушкина состоит в синтезе разных «методных» принципов в художественных системах его произведений, во взаимодействии жанровых структур. Примечательно, что в основном при образовании «комбинированных» жанров происходит совмещение тех жанровых структур, которые принадлежат к разным литературным направлениям, более того – являются характерными, «знаковыми» для этих направлений. «Знаковые» жанры классицизма (ода, героическая поэма, трагедия) и романтизма (элегия, романтическая поэма, новелла) контаминируются со «знаковыми» жанрами рождающегося реализма (бытовой повестью, физиологическим очерком).

Так, А.Архангельский отмечает, что в «Медном всаднике» сталкиваются несколько поэтических жанров: ода («художественный

эквивалент эпохи)), мещанская идиллия («бидермейер» - тема Евгения), историческая элегия (тема Александра I), эпиграмма (граф Хвостов). «Медный всадник» построен «на пересечении пафосных линий» всех этих жанров; в целом же, по определению исследователя, он принадлежит к жанру трагедии [6, 92].

Чтобы уточнить жанровую специфику художественного текста, следует обратиться к его стилевой характеристике. Анализируя стилевую состав поэмы, большинство исследователей, вслед за В.Я.Брюсовым, выделяет в нем две доминанты [7,141]. Одический «высокий», торжественно-риторический строй соответствует теме Петра и Петербурга:

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия... [9,11]*

С темой Евгения сопряжен «повествовательный», лексически сниженный стиль, отмеченный частыми переносами, несовпадением логического и стихового членения фразы, сближением стиха с разговорной речью:

*Он также думал, что погода
Не унималась; что река
Все прибывала; что едва ли
С Невы мостов уже не сняли... [9,13]*

В свою очередь, исследователь В.Д.Левин отрицает наличие в поэме противопоставленных стилевых оснований и утверждает, что к 1833 году введение разговорных элементов в поэтическую речь – норма художественной практики Пушкина, что «одизмы» представлены в поэме скорее на уровне мотивов, чем на уровне языка, что «высокий стиль» характеризует не только тему Петра, но и тему Евгения, а обилие стиховых переносов соответствует не столько последней, сколько повествовательным и описательным частям поэмы, которым противопоставлены лирические фрагменты [8,153].

Показательно, что во Вступлении три стилевые доминанты совершенно отчетливо сменяют друг друга: его первая часть выдержана в одическом ключе, вторая написана «онегинским» стилем, повествовательный тон задает резкий интонационный слом в финале. Расположенные рядом во Вступлении, эти основные стилевые компоненты поэмы вступают затем во взаимодействие. В момент бунта Евгения из повествования о безумце исчезают переносы, оно насыщается славя-

низмами, становится торжественным как ритмически, так и лексически – ему сообщаются те черты, которые сопутствуют теме Петра:

*Стеснилась грудь его. Чело
К решетке холодной прилегло...[9,21]*

О чем это свидетельствует? О том, что взаимодействие разных методов Пушкин осуществлял посредством соположения и взаимопроникновения разных моделей мира, конструктами которых являются именно жанры.

Пушкину присущ особый склад художественного мышления, а именно, диалектический, вернее, парадоксальный. Об этом свидетельствует и своеобразная художественная формула поэта: «...гений – парадоксов друг...», которая имеет прямое отношение к творчеству А.С.Пушкина в целом и к одному из совершенных его созданий – стихотворной повести «Медный всадник».

Резюме

В статье рассматриваются особенности жанра в его зависимости от категории стиля на примере стихотворной повести А.С.Пушкина «Медный всадник», которая стала началом нового и очень популярного в русской литературе жанра.

Примечания

1. Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра. - Свердловск, 1982.
2. Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику // Бахтин М. М. Тетралогия. - М., 1998.
3. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. - М., 1979.
4. Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. - М., 1996.
5. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. - М., 1979. С. 121-122.
6. Архангельский А.Н. Стихотворная повесть А.С.Пушкина «Медный всадник». - М., 1990.
7. Брюсов В. «Медный всадник». – М., 1974.
8. Словарь языка Пушкина. Т.1.- М., 1959.
9. Пушкин А.С. «Медный всадник». - Л., «Наука», 1978.